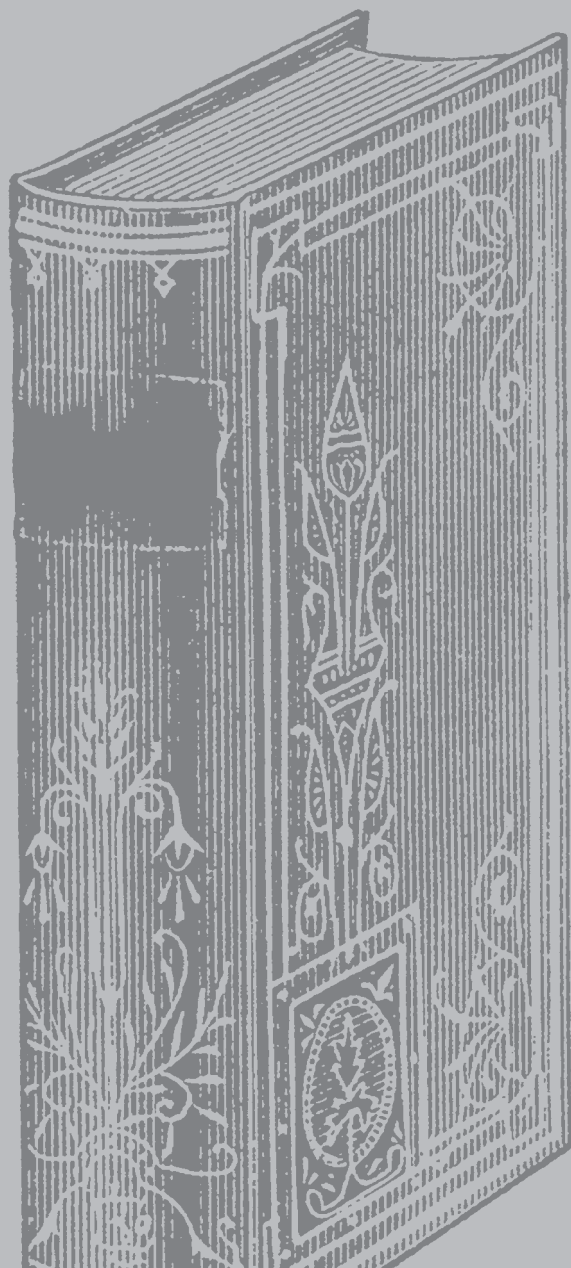

МГУ-

этим все сказано!

Студент

Факультет
словесности

Дарья Кротова

Современные исследования творчества А.А. Ганина

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Окончила с отличием филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Синтез искусств в русской литературе конца XIX – первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко)» (2013).

Область научных интересов – русская литература рубежа XIX–XX вв. и первой половины XX века, в том числе малоисследованная поэзия этого периода, а также проблематика синтеза искусств в русской литературе.

Наиболее значимые публикации: Народная вера и христианская символика в поэзии Алексея Ганина // Наш современник, 2013. № 8; Поэтическое творчество В.Т. Шаламова // Шаламов В. Колымские тетради. М., 2011; Преломление идеи синтеза искусств в творчестве А. Грина («Фанданго») // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология, 2013. № 3; «Голубая книга» М.М. Зощенко как симфония // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология, 2010. № 5; ряд статей о поэтах и писателях Серебряного века (Андрее Белом, З. Гиппиус и др.).

16 октября 2014 года в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся круглый стол, посвящённый 120-летию со дня рождения Алексея Ганина – поэта и писателя, расстрелянного в 1925 году, буквально вычеркнутого из истории русской литературы на целые десятилетия и лишь в наше время вновь обретающего своих читателей и исследователей. Постепенно Ганину справедливо возвращается роль одного из наиболее самобытных представителей литературы новокрестьянского направления и то значение в литературном процессе его эпохи, которое ему принадлежит по праву.

Организатором конференции, посвящённой юбилею поэта, стала кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. На заседании с докладами выступили как представители кафедры – профессор Наталья Михайловна Солнцева и преподаватель Дарья Владимировна Кротова, так и уважаемые гости – известный литературовед, заведующий отделом критики журнала «Наш современник» Сергей Станиславович Куняев и вологодский исследователь творчества Ганина, историк и публицист Сергей Алексеевич Тихомиров. Активным участником круглого стола стал инициатор и идейный вдохновитель мероприятия – заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса профессор Михаил Михайлович Голубков.

В ходе заседания оказались затронуты самые разные аспекты изучения творчества Ганина. Так, С.А. Тихомиров представил сообщение на тему *«Мой голос – Судьба. Нас выслала Вечность, вскормила изба»*: *вологодский поэт Алексей Ганин в контексте истории литературного поколения первой четверти XX века*. Сергей Алексеевич познакомил участников заседания с новыми материалами, посвящёнными изучению биографии Ганина, с целым рядом уникальных архивных документов (в том числе доселе неизвестных, обнаруженных лишь в последнее время), интереснейших фотоматериалов, а также рассказал об истории изучения ганинского наследия.

С.А. Тихомиров в своём сообщении размышлял о том, что исследователь творчества Ганина сталкивается в процессе работы с целым рядом сложностей. Они связаны во многом с тем, что уцелела лишь малая часть личного архива семьи Ганина: многие документы пропали вместе с гибелью самого поэта в 1925 году, что-то оказалось утрачено позднее, но так или иначе ещё до Великой Отечественной войны практически весь семейный

архив погиб. Трудности изучения наследия поэта вызваны, как полагает С.А. Тихомиров, и тем, что в самой биографии Ганина для исследователей по-прежнему остаётся много белых пятен, и потому огромную ценность приобретают для учёных мемуарные источники – воспоминания сестёр Ганина Е.А. Сорокиной и М.А. Кондаковой, а также людей, близко знавших Ганина, – его сослуживца доктора А.В. Фалина, знакомой Ганина по эсеровским кругам Мины Свирской и других.

В своём докладе С.А. Тихомиров рассмотрел основные вехи изучения творчества Ганина, особое внимание уделив начальному этапу, 1960–1980-х годов. Основоположником дела исследования наследия Ганина, «колумбом ганинского творчества» С.А. Тихомиров назвал ленинградского филолога Н.Н. Парфёнова. Именно им был найден прижизненно опубликованный сборник Ганина «Былинное поле», составлена библиография творчества Ганина и т.д. Н.Н. Парфёнов стал инициатором создания уникальной музейной экспозиции, посвящённой Ганину, в Архангельской средней школе Сокольского района Вологодской области – экспозиции, которая хранит высокоценные экспонаты: фотографии родственников Ганина, тетрадь воспоминаний М.А. Кондаковой, письма А.В. Фалина. Во многом благодаря усилиям Н.Н. Парфёнова сёстры поэта Е.А. Сорокина и М.А. Кондакова обратились в Главную военную прокуратуру с просьбой о реабилитации А.А. Ганина, и в 1966 году обвинение с него было снято.

Дальнейший этап изучения творчества Ганина С.А. Тихомиров справедливо связывает с именами таких известных исследователей, как Ю.И. Дюжев, С.Ю. Куняев и С.С. Куняев, Т.А. Пономарёва и других, внимание которых направлено как на изыскание материалов, связанных с биографией Ганина, так и на собственно литературоведческий аспект изучения его наследия.

В 2005 году в Вологде вышла книга о судьбе и творчестве Ганина, составителем которой является Сергей Алексеевич Тихомиров. Это ценнейшее издание, основой которого стал уникальный ганинский конволют 1921 года. Конволютом, как известно, называется сборник, составленный из нескольких самостоятельных изданий. Ганин в 1920–1921 годах отпечатал в вологодской типографии литографическим способом одиннадцать книг своих стихотворений, а затем объединил их в конволют под названием «Мешок алмазов»¹. Именно этот конволют лёг в основу книги, составленной и подготовленной к публикации С.А. Тихо-

Как известно, А.А. Ганин был арестован и расстрелян в 1925 году как глава Ордена русских фашистов.

мировым. Помимо ганинских текстов, издание содержит также значительные исследовательские материалы, статьи известных вологодских учёных, в том числе статью самого С.А. Тихомирова, посвящённую истории возвращения поэта к читателю.

Иной аспект изучения творчества Ганина, а именно – мировоззренческий, был развит в докладе Сергея Станиславовича Куняева на тему *«Алексей Ганин и зарождение русского национализма»*. В центре внимания С.С. Куняева оказалась политическая сторона мировоззрения Алексея Ганина. Как известно, А.А. Ганин был арестован и расстрелян в 1925 году как глава Ордена русских фашистов. С.С. Куняев размышлял о том, что могла представлять собой эта организация, действительно ли она имела некую сформированную структуру, какое отношение Ганин мог иметь к Ордену русских фашистов и, наконец, возможно ли было вообще существование подобного рода объединения в России в 1924 году.

Отвечая на эти вопросы, Сергей Станиславович рассматривал «Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича» – документ, который несколько десятилетий пролежал в архивах ЧК и был впервые опубликован в 1992 году журналом «Наш современник». Анализируя протокол, С.С. Куняев приходит к выводу о том, что Ордена русских фашистов как сформированной организации в 1924 году, безусловно, не существовало и не могло существовать. О том, можно ли воспринять всерьёз разговоры приятелей Ганина (П. и Н. Чекрыгиных, О. Полярного и других) об организации Ордена, свидетельствуют красноречивые выдержки из протокола, приведённые С.С. Куняевым: «Между прочим, при вторичном предложении вступить в Орден фашистов я

попросил указать мне двух членов ЦК. И вот однажды после ночёвки, или перед ночёвкой, вечером, Чекрыгин указал мне на Полярного и на брата – Николая Чекрыгина, и на себя. На мой вопрос – “всё?” – они отвечали, что всё. Я сказал – ладно, вступлю. В это время Чекрыгин настаивал писать протокол. На вопрос – “что у вас имеется?” – они ответили – ничего [...] Чекрыгин Пётр мрачно рычал брату: “Довольно!” – и развивал такую мрачную теорию о взрыве всех и вся, даже о взрыве всей Земли, ибо он – космический анархист, что всем нужно иметь знаки. И тут же приблизительно наметил стрелы, круги, кружки и прочее. Кому что досталось – я не помню [...] Причём это происходило после ночёвки в кафе “Стойло Пегаса”. Из кафе было взято в этот день две бутылки вина на квартиру Чекрыгиных. После изображения космических знаков Чекрыгин хотел погасить свет. С этой целью высунулся в окно, выходящее на Тверскую, и орал во всё горло: “Эй, сволочи, буржуазия проклятая! Кто не знает Ордена русских фашистов!”»².

Приведенные С.С. Куняевым цитаты из протокола как нельзя лучше свидетельствуют о том, что никакого Ордена русских фашистов в качестве политического объединения с продуманной организационной структурой, конечно же, не было. Но было, по мысли С.С. Куняева, нечто иное и намного более серьёзное – глубоко переживаемая Ганиным и людьми, близкими ему по мирозерцанию, идея отстаивания национальных ценностей в противовес интернационально-коммунистическим, внутреннее сопротивление антинациональной большевистской политике. Именно этот круг размышлений Ганин наиболее отчётливо выразил, как полагает С.С. Куняев, в тезисах под названием «Мир и свободный труд – народам», которые были обнаружены у поэта при аресте в ноябре 1924 года. Эти тезисы были признаны программным документом, манифестом Ордена русских фашистов. Идеи, высказанные в тезисах, по мнению С.С. Куняева, являются ключом к пониманию мировоззрения Ганина. «При существующей государственной системе России, – говорится в тезисах, – это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа – вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии. Ясный дух русского народа предательски умерщвлён. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял ещё голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведёт счёт великим бедствиям и страданиям народа в целом»³. По-

В поэзии Ганина, как утверждает исследователь, явственно ощущается авангардистская природа.

нимание исторической и общественной ситуации, выраженное в тексте тезисов, и стало основой глубочайшего противоречия между мироощущением крестьянских поэтов и писателей и идеологической линией большевиков. Это противоречие и привело в конечном счёте к трагической гибели почти всех представителей ново-крестьянского направления, и одной из первых жертв стал Алексей Ганин.

Заседание круглого стола продолжил доклад Натальи Михайловны Солнцевой на тему «*Какой был поэт Алексей Ганин?*». Наталья Михайловна размышляла о том, что Ганин, несомненно, сказал своё слово в обновлении поэтического языка и вместе с тем опирался в своём творчестве на целый комплекс поэтических традиций и был теснейшим образом связан с рядом явлений современного ему литературного процесса. Так, Н.М. Солнцева отметила преемственность образностилевой сферы творчества Ганина с поэтикой символистов, соглашаясь с суждением Л. Львова-Рогачевского о том, что Ганин, как и Есенин, как и Клычков, во многом был воспитан именно на этой поэтической традиции. Так, символистские тропы, коими насыщена лирика Ганина, появились, по мысли Н.М. Солнцевой, не без влияния Андрея Белого. Наряду с этим в поэзии Ганина, как утверждает исследователь, явственно ощущается авангардистская природа, о чём свидетельствуют, например, такие его строки, как «И новые миры душа черпнёт зрачками», «И громом пролаяло Время», «А ум седым умам из звёзд Уху сварил», «не дух ли яйцом златобоким // Сияет у смерти в зобу». При этом специфика, неповторимость поэтического языка Ганина заключается в парадоксальном сочетании авангардистской природы его лирики и классицистского стиля. Творчество Ганина Н.М. Солнцева характеризует, таким образом, как пример авангардного архаиз-

ма. С архаической, классицистской традицией Ганина связывает и подчёркнутая аллегоричность его поэтического языка, и свободное введение в поэтический лексикон «высоких» слов («сердце расточать», «от торжищ зла», «вострубил», «сонмы предтечей» и т.п.), и обилие сложносоставных эпитетов. Наконец, опора на архаическую традицию проявляется и в обращении поэта к жанру поучения, возникшему в его творчестве весьма органично, поскольку поэзия Ганина по-классицистски интеллектуальна, намеренно философична и наполнена напряжённым мыслительным поиском.

Осмысление одной из богатейших тем русской поэзии – темы разума и его пределов – будет, с точки зрения Н.М. Солнцевой, неполным без произведений Ганина, который воспел космогоническую силу мысли, но и показал разум обманувшийся, развенчанный, в дурацком колпаке. Возможно, отмечает исследователь, на развитие в лирике Ганина этой темы повлияли рубаи О. Хайяма: ганинский «Мешок алмазов» – это тоже своего рода рубаи, по ряду мотивов близкие Хайяму (особенно очевидны пересечения с поэзией Хайяма в вольном переводе К. Мазурина, издание 1901 года). Дуализм в интерпретации темы разума корреспондирует со спецификой поэтической антропологии Ганина: амбициозность героя, разрушителя и созидателя («Строй башни и щипцами солнце // Старайся, как дятла, поймать») посрамляется физической немощью, слабостью плоти, что плачет «затаस्कанным щенком».

Н.М. Солнцева обратила внимание в своём докладе на ещё одну чрезвычайно значимую в творчестве Ганина тему – это тема революции в «скифском» восприятии, революция как очистительная стихия. Лейтмотивный образ поэзии Ганина, связанный с художественной интерпретацией этой темы, – это «огнехрапый» конь, «огнерыжие, крылатые кони», «кони огневые». Этот образ, коррелирующий с известным символом К. Петрова-Водкина, является, безусловно, знаковым для новокрестьянской поэзии в целом и встречается и у Есенина, и у Клюева.

Трактовка Ганиным темы революции претерпела, как полагает Н.М. Солнцева, существенные изменения на протяжении нескольких лет: если поначалу революция мыслилась им в утопическом ключе как созидание земного рая с золотым частоколом и лазурными башнями, сокрушение воинственным Ангелом чёрного Города («Звёздный корабль», 1916–1917), то вскоре ганинская утопия разрушилась: Микулин внук, богатырь с космогони-

*Прошлое и настоящее
русской деревни
видятся автору в
пессимистических тонах.*

А. Ганин и С. Есенин. 1916

ческой силой, повержен («Былинное поле», 1917–1923), светлый храм оказался грязным сараем с «духом мертвечины», чаемое приобщение к божественным истинам обернулось сатанинским пиром («Сарай», 1917). Оппозиционные тезисы Ганина, стоявшие ему жизни, во многом близки и мотивам «Страны негодяев» (1923)

и эмигрантской публицистике. Творчество Ганина, включает Н.М. Солнцева, – ещё один яркий пример литературных утопий XX века, обернувшихся дистопией.

Завершил работу круглого стола доклад Дарьи Владимировны Кротовой на тему «История и её осмысление в лирике и прозе Алексея Ганина». По мнению Д.В. Кротовой, философско-историческая рефлексия представляет собой один из наиболее значимых аспектов творчества Ганина. Его лирика и проза начиная с 1910-х годов и вплоть до последних произведений пронизаны раздумьями о судьбе России, о тех глобальных исторических переменных, современником и свидетелем которых он стал. Одним из наиболее репрезентативных произведений в этом отношении является роман «Завтра», в подзаголовке которого Ганин прямо указывает, что в этом произведении отразились его раздумья о прошлом, настоящем и будущем. В основе сюжета романа – один из эпизодов жизни крестьян северной русской деревни: они отправляются на сенокос, но чтобы добраться от деревни до места сенокоса, нужно идти прямо через болото – страшное, топкое и вязкое. Перелезая через пни и коряги, увязая в зловонной болотной жиже, крестьяне рассуждают о том, что, может быть, надо бы построить дорогу на месте болота, но как это сделать? Символический смысл этого притчевого сюжета достаточно отчётлив. Прошлое и настоящее русской деревни (и шире – жизни страны в целом) видятся автору в пессимистических тонах: ме-

тафора бесконечного блуждания по болоту свидетельствует об этом вполне очевидно. Персонажи романа осознают, что жизнь необходимо изменить, устроить её как-то иначе, по-новому, и размышления о строительстве новой дороги выражают идею обновления.

Тема обновления в романе связывается с понятием организации: это переустройство общественной жизни, при котором отношения между людьми регулируются законами, учитываются реальные потребности общества, ежедневная трудовая практика людей. Кроме того, представление об организации включает и привлечение новых средств производства, и механизацию крестьянского труда.

Возникает закономерный вопрос: быть может, Ганин полагал, что всё это должно прийти вместе с революцией, с революционным переустройством общества? В романе не даётся однозначного ответа на этот вопрос. Произведение написано в 1923 году, и, судя по всему, жизнь страны в эти годы виделась Ганину по-прежнему в пессимистических тонах – блуждание по болоту и поиски дороги все ещё продолжаются. В то же время идея свершающегося перехода к новому этапу тоже явно звучит в тексте романа, что подтверждает, в частности, название его последней главы – «Конец болоту и новый зарок».

Текст романа говорит о том, что отношение Ганина к революции, к тем общественным процессам, которые шли в стране на протяжении первых десятилетий XX века, было сложным, многоплановым. Обратившись к поэзии Ганина, мы вновь убеждаемся в этом. С одной стороны, в его лирике отразился душевный подъём, подлинный энтузиазм в отношении революционных перемен. Воодушевление, с которым Ганин относился в этот период к революционным событиям, разделяли, как известно, многие: так, почти все новокрестьянские поэты первоначально восприняли революцию сходным образом. При этом революционный процесс Ганин осмысляет в универсальных, онтологических категориях: происходящее в стране предстаёт как планетарных масштабов битва между силами Хаоса и Космоса, их вселенское противостояние. Старый, отживший мир ассоциируется у Ганина со сферой Хаоса, а революционный поток в восприятии Ганина является источником света и будущей гармонии.

С другой стороны, Ганин отчётливо осознавал, что радикальные перемены в жизни страны принесут с собой, помимо надежды на грядущую гармонию и всеобщее счастье, много разруше-

*Ганин никогда не испытывал
полного, абсолютного
разочарования в результатах
революционных преобразований.*

ний, крови и несправедливости, и размышления об этом отразились уже в стихотворениях середины 1910-х годов, наполненных драматическими предчувствиями. Эмоциональной доминантой же стихотворений послереволюционных лет становится ощущение бедствия, катастрофы, чувство ужаса перед угрозой, которую несёт в себе некая дьявольская сила. В сознании Ганина, таким образом, сочеталось романтизированное восприятие истории, осмысление её в отвлечённых категориях и вместе с тем ощущение драматической стороны происходящих событий.

Острая напряжённость восприятия Ганиным послереволюционной ситуации связана во многом с тем, что в революции Ганина отталкивал слишком явственно выраженный пафос разрушения, уничтожения старого мира. Ганин признавал, что социальные изменения необходимы, но, с его точки зрения, это должно быть обновление, а не разрушение. Эта идея явственно выражена в романе «Завтра», где подчёркивается, что народная жизнь в тех формах, в которых она существовала веками, обладает и ценностью, и мудростью, и красотой.

Вместе с тем Ганин никогда не испытывал полного, абсолютного разочарования в результатах революционных преобразований. Хотя он отчётливо осознавал, что события 1917 года принесли с собой бесчисленные потери, хотя был разочарован тем, что положение крестьянства после революции ничуть не изменилось в лучшую сторону, а в отношении новой власти к крестьянской культуре остро ощущались враждебность и отторжение, но к отрицанию революционной идеи как таковой он не пришёл. Достаточно вспомнить о том, что стихотворения, в которых выражен эмоциональный подъём в связи с революционными преобразованиями, создавались не только до революции,

но и в послереволюционный период. Кроме того, не стоит забывать, что в годы Гражданской войны Ганин пошёл добровольцем в Красную армию.

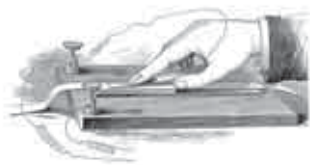
Видение Ганиным путей исторического развития родной страны, её будущего было весьма неоднозначным. Он был уверен в необходимости социальных преобразований и полагал, что посредством революционного переустройства можно в какой-то степени достичь этого. В то же время Ганин чётко осознавал, что осуществление революционной идеи сопряжено с огромными жертвами, и не мог не переживать этого трагически. Так или иначе, поэту хотелось верить, что тот противоречивый период, который претерпевает сейчас его родина, будет вскоре преодолен и сменится новым этапом в жизни страны – значительно более счастливым и гармоничным.

Характеристики и интерпретации, прозвучавшие в процессе обсуждения творчества А.А. Ганина в рамках круглого стола, наметили новые научные перспективы и обозначили направления поисков современного литературоведения в области столь значимой для истории и культуры нашей страны темы, как творчество новокрестьянских поэтов.

¹ Подробнее о прижизненных изданиях стихотворений А. Ганина можно прочесть в ст.: Демидова Е.Л. Литографированные издания Алексея Ганина // «К тебе пришёл я, край родимый...»: Книга о судьбе и творческом наследии вологодского поэта Алексея Ганина. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда, 2005.

² Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича // Наш современник. 1992. № 4. С. 163–164.

³ Цит. по: Растерзанные тени. Сост.: С.Ю. Куняев, С.С. Куняев. М., 1995. С. 22.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЛЕНТА

ВЫСТАВКА «МИР ГОНЧАРОВСКИХ РОМАНОВ» НАЧАЛА СВОЮ РАБОТУ В УЛЬЯНОВСКОМ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ ИМЕНИ ПИСАТЕЛЯ 10 ИЮНЯ. ЭКСПОЗИЦИЯ СОЗДАНА НА ОСНОВЕ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ И.А. ГОНЧАРОВА И МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ХУДОЖНИКАМИ – ЧЛЕНАМИ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РФ. БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ РАБОТ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ДЕМОНИСТРИРУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.